

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СПАСИБО,
ДОРОГОЙ
АРКАДИЙ
ИСААКОВИЧ!

стр.15

от кукол
до короля

стр.15

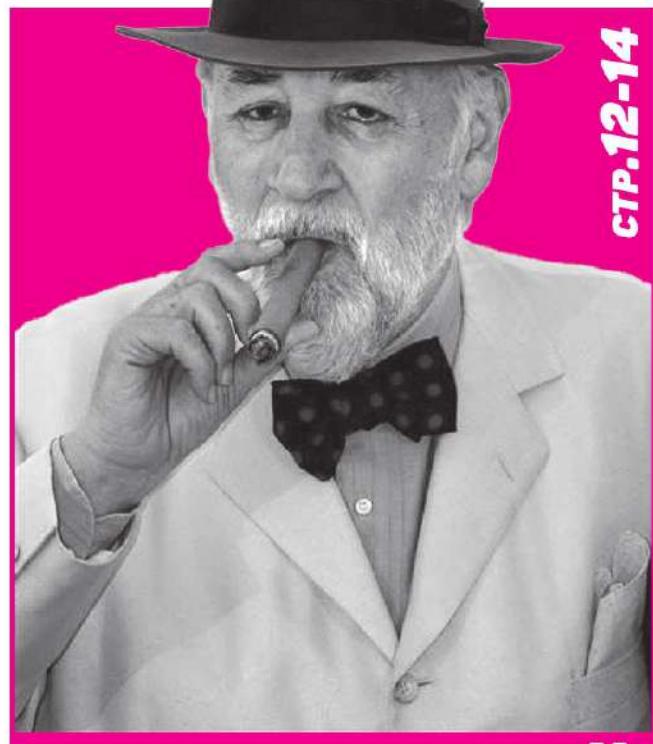
СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№47 (76)
НОЯБРЬ 2021

НИНА
РУСЛанова:
УМЕвшая
ЖИТЬ

стр. 6-7

ГРУСТНЫЙ
СЕНЬОР

стр. 12-14

«Я ЗНАЛИ СЛАВУ, И ОБЛАВУ...»

Окончание. Начало в номере № 75

Из письма А. Хазина:

«Посылаю тебе, как мы и решили, весьма приблизительный план предполагаемого спектакля... Темой конферанса и интермедией будущего спектакля будет характерное для нашего времени стремление к бесконечным «перестройкам», реорганизациям, усовершенствованиям и т.д. Так, уже с самого начала, конферансье может заявить о том, что «в связи с новыми требованиями» или «согласно высшим потребностям» актерский коллектив решил перестроиться, введя, предложим, вместо одного конферансье двух: по промышленной тематике и по сельской тематике. Здесь может идти сцена с двумя конферансье. После первого эстрадного номера конферансье, продолжая тему перестройки, перейдет к фельетону, где об этом будет уже сказано в плане сатирического острого обличия.

Фельетоне будет идти речь о ненужных перестройках и в серьезных областях нашей жизни, и в незначительных. Стремление к реорганизациям эпидемически охватило все стороны нашей жизни, мы стремимся быть новаторами там, где следует, скорее, сохранять славные традиции. Здесь можно предложить и реформы в области бракосочетания, и перестройку футбольных состязаний и нечто подобное. Словом, фельетон о ненужности реформ там, где они подменяют спокойную ежедневную работу, там, где они мешают.

Мне кажется, что этот фельетон может быть острым и чрезвычайно важным в сатирической программе. К сожалению, получилось так, что тема эта пришла нам (мне и моему товарищу) в голову раньше, чем о бесконечных перестройках сказал в своем докладе Брежnev, и поэтому она показалась нам острой...

После фельетона может пойти интермедиа, где в результате перестройки про-

граммму ведет уже не конферансье, а, допустим, жонглер или иллюзионист, что дает повод к смешной сцене.

Вообще хочется, чтобы объявление номеров, то есть, конфирмирование, было не слишком банальным и носило бы характер сценок и разных неожиданностей.

Сейчас еще трудно сказать, каковы будут эти сцены — пока более или менее ясна начальная вводная сцена и фельетон, но предлагаемая тема дает немало возможностей.

К концу спектакля я предлагаю сделать нечто вроде общего собрания актеров, где каждый в той или иной форме предлагает перестроить программу, подчинив ее своему жанру. Естественно, что это собрание должно быть веселым, разнообразным, и, в конце концов, перейти в заключительную песню всего коллектива.

Вот такой предлагается сделать линию КОНФЕРАНСА всего спектакля. В зависимости от характера эстрадных номеров будет строиться и каждая интермедиа в этом спектакле.

Что касается миниатюр, то пока задумано две миниатюры:

1. Сцена у автомата для хранения ручной поклажи. Такие автоматы сейчас существуют во многих крупных городах. Принцип действия их заключается в том, что пассажиры набирают определенные цифры, заперев свой багаж, и для того, чтобы открыть кабинку, нужно набрать пятизначное число. Миниатюра будет заключаться в том, что супружеская пара забыла номер шифра. В процессе «вспоминания» цифры они обнаруживают, что забыли и другие более важные вещи. К тому времени, когда они вспоминают номер, выясняется, что такие понятия, как уважение к матери, воспитание своих детей и даже свой гражданский долг ими забыты.

2. Сцена условно называется «Галочка» — это о председательнице местного комитета, которая хоронит внезапно скончавшегося сотрудника, однако руко-

История одной дружбы в письмах, воспоминаниях, документах, монологах и отзывах

водит ее не скорбь об утрате, а желание поставить поскорее «галочку» и отратить предусмотренные по смете деньги. В конце, однако, выясняется, что умерший жив и председательница очень огорчена этим обстоятельством: «Я же если не потрачу деньги на венок, мне смету в будущем году срежут». Сцена эта идет с участием оркестра (оркестр на сцене).

3. «Бюро добрых услуг» — это то, что вы хотели сделать основой спектакля, но пока что вырисовывается одна сцена, вполне исчерпывающая эту тему.

Такой мне представляется приблизительно программа для коллектива, которого я пока не знаю. Но она (программа) не требует больших и сложных театральных условий и вполне ограничивается небольшим эстрадным коллективом с двумя-тремя актерами, которые могли бы играть миниатюры.

Из воспоминаний А. Астахова:

«Вспоминаю нашу совместную работу, я до сих пор испытываю чувство вины перед Сашей. Каждый раз, уговаривая его написать новую программу или фельетон, я прекрасно отдавал себе отчет в том, что готовлю своему другу очередную «порцию» испытаний, ибо нередко сдача программы превращалась в серию открытых «боев» и дипломатических «маневров». Пожалуй, нигде фельетоны Хазина не проходили с таким трудом испытания худсоветом и прочими испытаниями, как в моем родном городе (увы!). Но он был настоящим другом, и не питая на этот счет никаких иллюзий, каждый раз принимался за работу».

Из писем А. Хазина:

«Я не очень люблю обличать то, что уже обличено официальными лицами и документами. Правда, Одессу это, вероятно, больше устраивает. Хочу тебе сказать еще вот что. Я не умею писать так, чтобы всему руководству филармонии или управлению искусства это понравилось. Не знаю даже, зачем ты рискуешь, прося меня написать, — ведь фельетоны, которые идут в стране, у тебя в Одессе не были разрешены («Отклонение от нормы», «Прощу слова»). Боеюсь, что тебе придется много трудиться, прежде чем получишь на Украине разрешение на то, что я напишу... Считаю своим долгом написать тебе об этом».

«Посылаю тебе фельетон, о котором мы говорили. Прошу тебя его НЕ ОФОРМИТЬ!.. Тем более, что украинские деятели живут еще при Сталине и ни хрена не понимают ни в чем. Поэтому фельетон сей я тебе дарю. Ежели ты можешь его исполнять и хочешь без высочайшего разрешения украинских инстанций — на здоровье! Ежели ты не можешь портить с ними отношений, спрячь его и не исполняй. В случае, если будешь исполнять, дев-

лай это не раньше чем через месяца два. К этому времени Радов [Радов Эмиль Зиновьевич — конферансье, эстрадный драматург — прим. А.Г.], который начал его исполнять (с большим успехом) и заболел инфарктом, снова уже будет работать. Мне бы хотелось, чтобы он (Радов) был вторым — он страстно взялся за работу, и было бы с моей стороны не очень хорошо не учить его приоритет. Радов исполнит без куска о религии.

Словом, поскольку, скорее всего, тебе не удастся обойти руководство одесской эстрады, а я категорически не хочу согласований с ним — читай его иногда Галочки, с тем условием, естественно, чтобы чтение вслух не заменило нормальной супружеской жизни.

Чувствуя я себя сейчас прилично, водки не пью, не курю. Сами понимаете, что за жизнь. Работаю, как это ни странно, много.

Из воспоминаний А. Астахова:

«Да, то, что писал Саша Хазин, часто с трудом вписывалось в общую картину, где все более преобладали розовые краски и тона. Но сатира была его уделом, привычением, его счастьем и бедой, и он просто не мог иначе».

Из монолога «Честное слово»:

«Давно ли вы слыхали, чтобы кто-нибудь давал кому-нибудь по какому-нибудь поводу честное слово? Вроде бы это слово совсем исчезло из нашего обихода... Где честное слово рыцаря, честное слово джентльмена, честное слово офицера? Недалеки те времена, когда нерушимо было «честное пионерское» и «честное комсомольское». Помню, говорили: «Даю вам слово коммуниста!». И это означало, что оно будет выполнено во что бы то ни стало. Сейчас вместо честного слова существуют обязательства, соглашения, договоры, расписки... Раньше, когда нарушалось честное слово, это считалось позором. Говорили: «Он не сдержал свое слово!». Теперь говорят: «Он недовыполнил обязательство». Ну и что? В другой раз — довыполнит...».

Из писем А. Хазина:

«Посылаю тебе фельетон, о котором мы говорили. Прошу тебя его НЕ ОФОРМИТЬ!.. Тем более, что украинские деятели живут еще при Сталине и ни хрена не понимают ни в чем. Поэтому фельетон сей я тебе дарю. Ежели ты можешь его исполнять и хочешь без высочайшего разрешения украинских инстанций — на здоровье! Ежели ты не можешь портить с ними отношения, спрячь его и не исполняй. В случае, если будешь исполнять, дев-

Аркадий Астахов, Ефим Берзин, Юрий Тимошенко и Алексей Данченко на флотилии «Слава».

я служу [В 1958–1967 годах А. Хазин работал заведующим литературной частью Ленинградского театра миниатюр под руководством Аркадия Райкина — прим. А.Г.], начались репетиции с очередным режиссером (по счету шестой), на этот раз приглашен Суслович [Суслович Рафаил Рафаилович — ленинградский театральный педагог, режиссер театра и кино, заслуженный артист РСФСР — прим. А.Г.]. Большая часть материала принадлежит Жванецкому, немножко Гиндину и Рябкина [Гиндин Михаил и Рябкин Генрих — творческий дуэт драматургов и киносценаристов — прим. А.Г.], немножко еще кого-то. Я в программе не участвую и отказался даже писать фельетон. Но мне кажется, что спектакль может получиться интересным, ежели немного все подчистить и подправить, и местами перевести с еврейского на русский. Вообще, с Райкиным произошла странная штука. Когда он был в Одессе, где-то на Дерибасовской угол Ришельевской у него четверо налетчиков похитили честь [Кац, Ильченко, Гвоздикова, Жванецкий] [Кац (Карцев) Роман, Ильченко Виктор, Гвоздикова Людмила, Жванецкий Михаил — эти четырех участников одесского любительского театра «Парнас-2» А. Райкин пригласил в свой коллектив — прим. А.Г.].

«Чувствую, что ты нервничаешь, поэтому спешу тебя успокоить: над твоим будущим спектаклем я работаю. Как я тебе уже сказал по телефону, написано начало спектакля — по-моему, симпатичное, хотя некоторые фразы ваши контролирующие органы выкинут, но я писать сразу с учетом этих органов не умею.

Написал я вчера еще одну пародийную сценку и кое-что конферансное.

Сценка, присланная Световым из Риги [Светов (Лифшиц) Александр Львович — автор эстрадных миниатюр — прим. А.Г.], мне кажется хорошей, надо придумать только другой конец. Как видишь, дело понемногу делается. Очень мешает городской образ жизни, невозможно было отаться от телефона и от просьб устроить два билета «на Райкина». В Москве я немножко отдохнул от этого и собрался с мыслями...

ела. Таким образом, до 15 июня ты можешь, ежели хочешь, писать в Ленинград, а с 15-го уже в Сосново, Ленинградской обл. Новостройка, саперный пер. 4-а. Там я буду, очевидно, до конца августа. Если ничего не переменится, то в конце августа я должен буду приехать в Одессу, а оттуда в Варну. Но это еще посмотрим!

Твою просьбу насчет «Галочки» выполнить не могу: я эту сцену включил в московскую программу. Если она оттуда вылетит, что не исключено, ибо все разбросано ужасно, то я ее могу тебе прислать. Думаю, что ты напрасно не включаешь в программу куплеты. Если ты их не собираешься исполнять, напиши, я их отдам в другой спектакль.

Желаю тебе счастливого путешествия, в котором ты, надеюсь, будешь здоров, весел и аккуратен в заполнении рапортичек. Судя по присланной тобой программе, вся сумма авторского гонорара расщепляется по авторам текстов, музыки и песен, что весьма обидно, так как работы сделано много и создан спектакль. По-видимому, следовало раньше договориться с ВУОАПом и УЗАПом [ВУОАП — Всесоюзное управление по охране авторских прав занималось вопросами авторских прав в Советском Союзе «при издании, публичном исполнении, механической записи и всяким иным виде использования литературных, драматических и музыкальных произведений...». УЗАП — Управление по защите авторских прав в Украине — прим. А.Г.] о том, что это спектакль, где есть сценарий и т. д. Но я человек не слишком деловой, а секретаря еще не приобрел...

Передай привет всем своим артистам и пожелай им всяких удач.

Из воспоминаний А. Астахова:

«Для нас с женой не было большей радости, когда удавалось «вытащить» Сашу в Одессу, к себе на дачу. Его радовало все: море, солнце, зелень, и эта радость передавалась всем, кто с ним в это время стоял. Саша умел отдохнуть: в жизни он был столь же остроумен и неистощимо изобретателен, что и за письменным столом. Лишь иногда в задушевных вечерних беседах прорывалось у него иное: грусть, что многие замыслы пропадают впустую, что постоянно приходится отбиваться от назойливых ревнителей идеологических устоев. Но, несмотря ни на что, он садился за письменный стол».

Из письма А. Хазина:

«Дорогие Астаховы!

Я хотя и не Луис Энверрия Альварес [Луис Энверрия Альварес — президент Мексики (1970–1976 гг.) — прим. А.Г.], но не менее, пожалуй, себе поблагодарить вас за гостеприимство, оказанное мне и моей супруге в вашей прекрасной стране — Одессе. Мы все еще вспоминаем солнце, море и напиток «Мокко», находящиеся на уровне мировых стандартов. Неизгладимое впечатление оставила также машина для сортирования мусора, свидетельствующая о том, что по сравнению с 1913 годом, Одесса стала неузнаваемой.

Моя супруга просит передать её личное удовлетворение показом мод, состоявшимся в вашей квартире: этот вернисаж — одно из сильных воспоминаний о нашем пребывании в Одессе.

Запах моря все еще преследует меня: не далее, как вчера на открытом партийном собрании, я с тоской подумал о том, как хорошо постоять у моря, и помочь: все болло зреет в моей душе желание приехать в Одессу надолго, поселиться в вашей квартире и ездить на вашей машине к морю... Конечно, это лишь пустые мечты нервного пенсионера, поэтому можете не слишком волноваться и не спешить с обновлением санузла и ванной.

Теперь несколько деловых мыслей. Я нашел старый неиспользованный инстанции вариант фельетона, но увидел, что не стоит его читать целиком, а в том виде, в котором мы его посмотрели в Одессе, он вполне подходит — в своем первоначальном литературном варианте он слишком длинен.

Вторая деловая мысль заключается в том, что Тамара регулярно посещает магазины, дабы достать книги для Галочки, но в ближайшее время она сообщит

Окончание. Начало на с. 9

об этом сама. Дело в том, что ее вдруг втянули в репетиции и она в бегах с утра до вечера...

Очень меня агитирует Райкин сделать программу, он заставил меня разыскать старые миниатюры и, как всегда, загорелся разными конструктивными замыслами. Но что-то мне не хочется влезать в это. Между прочим, в театре у него сейчас новый завлит — бывший ленинградский цензор Липатов — довольно пикантная ситуация: бывший цензор должен литьвать материалы, и ругается, что ничего не пропускают. Думаю, что из этого ничего не получится — он, хотя и полон энергии, но быстро угасает и, как всегда, поддается случайным влияниям. Но, слава Богу, что он здоров и мы можем ходить гулять в Летний сад...

Из воспоминаний А. Астахова:

«К сожалению, и моего друга не обошла печальная участь многих сатириков. Он вынужден был многое сочинять «в столь без всякой надежды на скорую публикацию. Разумеется, ему было

сознавать это, и говорил он о таких вещах не очень охотно. Но писал, надеясь, что хоть внукам его сочинения пригодятся. Сашина жена, Тамара, прислала нам стихотворение, написанное в больнице буквально накануне смерти. Читая его, я плакал...

*Могу сказать, свой путь окинув
При подведении итогов:
Я не прославлен как Акимов,
Не награжден как Товстоногов.
Я знал и славу, и облаву,
Войну, бессонницу, тревогу.
Уже я вижу переправу —
Свою последнюю дорогу.
Давно прошли в литературе
Братоубийственные войны.
Стихи с добавкою лазури
Теперь отечества достойны.
И даже обо мне толкуют
Без ругани и раздраженья.
Хоть — по привычке — критикуют,
Но выбирают выраженья.
Пусть не идут ко мне заказы
Из государственных каналов,
Пишу стихи я и рассказы
Для «исторических анналов».
Пишу для правнуоков и внуков
В надежде — даже без сомненья —
Что те, немного позукав,
Отыщут эти сочиненья.
Еще увижу бы немного:
Как первый дождь в окно стучится,
Как вьется зимняя дорога,
Как электричка где-то мчится.
Еще мечтаю я о лете,
О дальнем авиабилете.
Но жить-то, жить-то мне осталось
Всего какую-нибудь малость».*

Из воспоминаний А. Астахова:

«Я перечитываю фельетоны, рассказы Казина и поражаюсь тому, как злободневно они звучат. Как жаль, что не удалось моему другу дожить до того времени, когда сатирики получили наконец-то возможность заговорить «открытым текстом»...».

Из фельетона А. Хазина «Возвращение Онегина»:

«Нет, верю я — настанет день,
Благословенный и желанный,
Когда в кругу своем родном
Мы лишь с улыбкой помянем
Всех тех, кто нам мешал когда-то
Нечистой совестью своей...»

Александр Галис.
Автор благодарит Юлию Таран
за помощь в подготовке
этой статьи.